

Кого считать авторами памятника лейб-егерям на Бородинском поле?

Одним из символов Бородинского поля является памятник Лейб-гвардии Егерскому полку, возведенный в 1912 г. к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Его изображение приводится в большинстве книг, путеводителей, буклетов, посвященных Отечественной войне 1812 года и Бородинскому полю. Однако никаких сведений об авторах этого памятника в литературе не приводилось, и только в 1979 г. в путеводителе О. В. Федоровой и В. К. Ушакова «Поле русской славы»¹ сначала в основном тексте указано, что памятник лейб-егерям сооружался «под наблюдением С. Прохорова», а затем в приложении в «Перечне памятников...» С. Прохоров впервые назван архитектором этого памятника. С этих пор в различных изданиях это утверждение неоднократно повторялось и повторяется до настоящего времени.

Проведенные нами исследования² позволили выяснить биографию С. Л. Прохорова. Сергей Львович Прохоров родился 16 июня 1879 г. в Москве. В это время родители его, отец Лев Маркович Прохоров, смоленский мещанин, и мать Александра Ивановна, проживали в известном Доме Пашкова. Сведений о занятиях отца найти не удалось. Сергей был крещен в Крестовоздвиженской церкви³ (ул. Воздвиженка, 7), находившейся напротив недавно снесенного Военторга.

Сергей Прохоров учился в одном из лучших московских средних учебных заведений – 4-й Московской гимназии, которая была учреждена высочайшим повелением в 1849 г. и первоначально размещалась в доме Пашкова. В 1861 г. гимназия приобрела у князя Трубецкого дом на Покровке, известный московедам как «дом-комод». Среди преподавателей гимназии были вошедшие в пословицу математики А. Ф. Малинин и К. П. Буренин. Из выпускников известны Николай Егорович Жуковский (выпуск 1864 г., серебряная медаль), отец революционера Эрнест Бауман (выпуск 1861 г.) и др. Сергей Прохоров окончил гимназию в 1897 г. с золотой медалью и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета⁴. На выпускных экзаменах в 1901 г. он получил по всем предметам оценку «весьма удовлетворительно» и только на устном экзамене по физике оценку «удовлетворительно»; по результатам экзаменов он был удостоен диплома первой степени.

Свое образование Сергей Прохоров продолжил в Императорском Московском инженерном училище, позже переименованном в Московский институт инженеров путей сообщения императора Николая II, поступив сразу на второй курс. В Центральном архиве Москвы (ЦИАМ) имеются: дело о его приемных экзаменах⁵ и дело с перепиской о студенте Прохорове⁶, в котором есть его фотография. Теоретический курс инженерного училища он окончил в 1903 г., получив на экзаменах десять оценок «отлично», семь – «хорошо» и одну – «удовлетворительно» (по курсу составления смет и технической отчетности). После двухлетней практики, которую С. Прохоров проходил на Московско-Виндаво-Рыбинской и Московско-Брестской железных дорогах, в 1905 г.

он получил диплом инженера-строителя «с правом производства всякого рода строительных работ и составления проектов всяких зданий и сооружений и с правом ношения нагрудного ученого знака». После окончания училища С. Прохоров служил на Московско-Брестской железной дороге, переименованной к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года в Александровскую (ныне Белорусская железная дорога), по крайней мере, до июля 1915 г., о чем свидетельствует запрос⁷ от Управления железных дорог в Департамент полиции «о политической благонадежности состоящего по вольному найму в должности инженера для особых поручений при управлении службы пути Александровской железной дороги/... инженера путей сообщения Сергея Львовича Прохорова, 35 лет, в виду предполагаемого назначения его начальником участка службы пути той же дороги». Ответ Департамента полиции гласил, что неблагоприятных в политическом отношении сведений об инженере путей сообщения С. Л. Прохорове в делах департамента не имеется. Сведения о дальнейшей судьбе С. Л. Прохорова авторами настоящей статьи не обнаружены.

В апреле 1912 г. С. Прохоров был командирован в Бородино «для производства изысканий по составлению проекта царской ветки».⁸ Вероятно, при исполнении этих работ он познакомился с представителями Лейб-гвардии Егерского полка и был привлечен ими для возведения памятника, о чем сообщает надпись на синьке проекта памятника, хранящейся в ЦИАМ: «Постройка памятника согласно сему чертежу поручается инженер-строителю Сергею Львовичу Прохорову».

Таким образом, проведенные нами исследования показали, что С. Л. Прохоров не был архитектором и автором памятника Лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа, а лишь руководил его строительством в июле–августе 1912 г. Однако авторы архитектурно-художественного решения памятника по-прежнему оставались неизвестными.

Направление дальнейших поисков было найдено в документе под названием «Пожелания, высказанные войсковыми частями, участвовавшими в Отечественной войне по вопросу о постановке памятников в местах боев и сражений на средства этих частей»⁹, которые были подготовлены к 10 мая 1912 г. Пожелания Лейб-гвардии Егерского полка были следующие: «Поставить каменную стенку (по примеру Севастополя) на авангардной позиции у моста через Колочу и наименовать мост «Лейб Егерский», поставить обелиск у этого моста, и также поставить икону с неугасимой лампадой на памятник князя Багратиона в новом месте упокоения его (Семеновская флеш)». (Следует отметить, что данная запись отражает выдвинутую в 1910 г. генералом от инфантерии В. Г. Глазовым идею о перезахоронения князя П. И. Багратиона на место его предполагаемого смертельного ранения: «Прах [Багратиона] покоится на Бородинском поле, возле монумента на батарее Раевского, под чугунной плитой, слитой из чугуна неприятельских орудий, заметной только вблизи, подойдя к самой могиле. Многочисленные боевые подвиги князя Багратиона и его геройская смерть вызывают необходимость почтить память сподвижника великого Суворова особым приличествующим памятником в оставшейся Семеновской флеш, куда перенести прах героя».¹⁰

Из этого следовало, что пожелания лейб-егерей формировались «по примеру Севастополя», т. е. под влиянием комплекса памятников, сооруженного в 1904–1905 гг. к 50-летию обороны Севастополя. Для подготовки этого юбилея в 1901 г. был образован специальный «Комитет по

восстановлению памятников Севастопольской обороны» под председательством великого князя Александра Михайловича¹¹, в который вошли участники обороны, представители всех родов войск, Черноморского флота, Севастопольского городского управления, а также лица, «известные своими историческими познаниями». Секретарем комитета был назначен известный военный историк полковник Андрей Медардович Зайончковский¹², который стал одним из самых деятельных членов этого комитета; через него проходила вся документация.

В личном фонде императора Николая II, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), авторами обнаружено дело с фотографиями о пребывании императора с семьей в Крыму в 1913 г. На трех из этих фотографий¹³ запечатлен момент осмотра памятника Балаклавскому сражению. Комментарием к фотографиям может служить запись в дневнике Николая II от 13 августа: «...в моторе объехал поля сражений в 1854 г. Инкерманского, Балаклавского и на Черной речке. Интересные объяснения давал Зайончковский»¹⁴.

Сразу обратило на себя внимание поразительное сходство Балаклавского памятника и памятника лейб-егерям в Бородино. Размеры памятников также оказались весьма близки. Вот описание балаклавского памятника, взятое из книги В. Г. Шавшина «Каменная летопись Севастополя»¹⁵: «В 1905 году на высоте Араб-Табиа, где находился редут № 3, открыли обелиск русским воинам - участникам Балаклавского сражения. Проект его в 1901 году разработал инженер-подполковник Ф.Н. Еранцев, позже доработал архитектор Н. А. Пермяков. Представлял собой каннелурованную колонну/... диаметром 78 см, из крымбальского известняка, состоящую из шести барабанов, установленную на ступенчатом пьедестале из песчаника. Венчал памятник двуглавый чугунный орел... Высота обелиска составляла 11,32 метра».

Сведения о проекте бородинского памятника лейб-егерям содержатся в специальном деле, хранящемся в ЦИАМ¹⁶. В нем находится чертеж (синька) с изображением и размерами памятника. Памятник представляет собой дорическую колонну, над капителью которого помещена скульптурная композиция из двух двуглавых орлов, расположенных друг над другом. Высота памятника от подножья до самой верхней точки определена в 5,23 сажени (11 м). Высота собственно колонны вместе с капителью равна 5,2 м, диаметр колонны: у основания – 85 см, под капителью – 72 см (средний диаметр равен 77,5 см). На синьке приведены также черновые варианты надписей, которые предполагалось воспроизвести на сторонах постамента. В таком виде синька с проектом памятника была направлена командиром Лейб-гвардии Егерского полка московскому губернатору В. Ф. Джунковскому¹⁷ 21 июня 1912 г.; таким образом, на возведение памятника оставалось около двух месяцев.

Однако памятник был возведен в срок и освящен 24 августа 1912 г. Окончательный вид памятника несколько отличался от вышеописанного проекта. Вместо двух орлов на капители колонны был установлен один орел, за счет чего высота памятника несколько уменьшилась, примерно до 10,5 м. Со стороны с. Бородино на постаменте размещен знак Лейб-гвардии Егерского полка, учрежденный 8 июля 1907 г., в виде Кульмского креста черного цвета с серебряным ободком – в память особого отличия полка в Кульмском сражении. В середине креста скрещенные

золотые вензеля императоров Павла I, основателя полка, и Николая II. На пьедестале надпись: «Лейб-егеря доблестным предкам и их боевым товарищам чинам гвардейского экипажа. 1912». Кроме того, перечислены имена офицеров, убитых в сражении и умерших от ран; среди них шеф полка генерал от инфантерии князь Петр Багратион. Таким образом, в окончательном виде надписи на памятнике стали более подробными и в них отмечено также участие в боевых действиях чинов гвардейского экипажа, чего в первоначальном проекте не было.

Сравнение балаклавского и бородинского памятников показывает, что формы и размеры их практически тождественны; отличие состоит только в том, что колонна балаклавского памятника составлена из шести цилиндрических барабанов, а колонна бородинского памятника цельная и имеет небольшую конусность. Различны также положения орлов. Однако эти отличия не являются принципиальными, и можно считать, что памятник лейб-егерям в Бородино является повторением балаклавского памятника.

Каким образом произошло заимствование проекта? Представляется весьма вероятным, что это произошло через А. М. Зайончковского, который в 1906–1908 гг., уже будучи в чине генерал-майора, был командиром Лейб-гвардии Егерского полка, а затем был назначен командиром бригады, но связи с полком не терял, о чем свидетельствуют написанные им книги о лейб-егерях к 100-летним юбилеям Отечественной войны и Кульмского сражения¹⁸. Хорошо зная все севастьяпольские памятники, он мог рекомендовать Лейб-гвардии Егерскому полку принять за основу своего памятника памятник в Балаклаве и даже предоставить его проект.

Следовательно, можно говорить о том, что авторами обоих памятников являются инженер-подполковник Ф. Н. Еранцев при участии архитектора Н. А. Пермякова. Поэтому представляют интерес биографии авторов и история создания балаклавского памятника, которые составили предмет дальнейших исследований.

Хотя послужного списка Ф. Н. Еранцева пока не найдено, все же удалось собрать некоторые биографические сведения о нем.

Федор Николаевич Еранцев был потомственным севастьяпольцем. Его отец, Николай Федорович Еранцев, происходил из солдатских детей. Разные документы при вычислении дают разные даты его рождения, из которых наиболее обоснованным представляется 1778 г. В 1797–1802 гг. он служил рядовым в Перекопском гарнизонном батальоне. Затем он был переведен в Троицкий полк (позже ставший Апшеронским), где служил до 1826 г., постепенно повышаясь в чинах: унтер-офицером (1803), фельдфебелем (1805), подпоручиком (1817), поручиком (1820), штабс-капитаном (1824). В это время он принимал участие в боевых действиях: в 1805 «за Кубанью для усмирения злодействующих горских народов», в 1806-1808 гг. – против персидских и турецких войск, при Карсе был ранен пулей в левое плечо, в 1812 – при усмирении дагестанских народов. Затем была служба в Воронежском внутреннем гарнизонном батальоне (1826–1827 гг.) и во 2-м военно-рабочем арестантском батальоне, а с 1831 по 1842 г. – при Севастопольских морских арестантских ротах. В 1833 г. он получил знак отличия за беспорочную в офицерском звании 15-летнюю службу, замененный в 1840 г. знаком за 20-летнюю службу, в этом же году за отличие

произведен в майоры, а в 1842 г. за 25 лет службы награжден орденом Св. Георгия 4-го класса¹⁹. Умер 10 января 1843 г. и похоронен на Севастопольском городском кладбище²⁰.

Н. Ф. Еранцев был женат на дворянке Магдалине Константиновне, и сразу после смерти супруга его жена принялась хлопотать об оформлении дворянства на себя и троих детей: Ивана, Агрипину и Федора. Постановлением Таврического депутатского собрания от 29 марта 1846 г. все они были внесены в третью часть родословной книги «по личным заслугам... майора Николая Федорова Еранцева»²¹.

Федор Николаевич Еранцев родился в Севастополе 17 февраля 1841 г. Он получил воспитание в Черноморской гардемаринской роте и проходил службу в Черноморском флоте, сперва гардемаринном, потом мичманом и лейтенантом. Позже, в 1863 г., он окончил полный курс наук в Николаевской инженерной академии и возвратился на флот²². С такой солидной подготовкой он в качестве специалиста получал разные назначения по сооружению железных дорог, а в 1874 г. простился с казенной службой (в чине подполковника) и посвятил себя железнодорожной деятельности. Он находился на работах по сооружению Орлово-Витебской, Грязе-Царицынской и Бендеро-Галацкой железных дорог. Дважды он служил на Лозово-Севастопольской железной дороге – сперва в качестве начальника участка, а второй раз – по постройке пристаней и путей на западном берегу Южной бухты; он же строил здание таможни, пакгаузы и прочее.

С особой любовью Ф.Н. Еранцев занимался восстановлением и украшением родного Севастополя. Как писал он сам: «По окончании Крымской войны, в течение почти 20 лет до проведения из Лозовой железной дороги, т. е. до 1874 г. город Севастополь представлял собой сплошные кварталы развалин...». Ф.Н. Еранцев выступил инициатором планомерной застройки города. В 1881 г. городская дума создала комиссию «для пересмотра предположений о замощении города, улучшении порта и исполнении городских строительных работ», в которой участвовал и Еранцев. С его именем связано также устройство Приморского бульвара, одной из лучших улиц города.

С 1883 г. начинается общественное служение Ф.Н. Еранцева. В течение семи лет он был городским головой, 12 лет он состоял почетным мировым судьей, много лет был членом учетно-ссудного комитета местного отделения Государственного банка. Как человек в высшей степени общественный, в лучшем значении этого слова, Ф.Н. Еранцев интересовался всяким общественным учреждением, возникавшим с благою целью. Он был членом почти всех благотворительных учреждений. Будучи одним из учредителей местного яхт-клуба, он был удостоен званием его почетного члена, и портрет его был вывешен там рядом с портретами почетных членов-адмиралов. За выдающиеся заслуги Ф.Н. Еранцев был удостоен высоких наград и знаков отличия до ордена Св. Владимира 3-й степени включительно. Ф.Н. Еранцев умер в 1908 г. и похоронен на севастопольском городском кладбище²³.

Ф.Н. Еранцев принял самое действенное участие в делах по созданию памятников славы обороны Севастополя и составил предварительные эскизы многих из них. На заседании «Комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны», состоявшемся 30 августа 1901 г., был

принят предложенный им проект здания панорамы, а также спроектированные им проекты памятника затопления кораблей, павильона-ротонды на месте 1-го бастиона, памятного места батареи Геннериха, памятника на месте гибели адмирала В.И. Истомина, памятного места начала плавучего моста через Севастопольскую бухту, а также памятников на полях сражений Инкерманского, Балаклавского и на Черной речке, памятников воинам Волынского редута и др. По указанию Николая II проекты памятников в 1902 г. были представлены на оценку в Академию художеств, причем Ф.Н. Еранцев был командирован в Петербург для необходимых пояснений. Академия художеств заказала сделать измененные проекты шести архитекторам, среди которых был и Н. А. Пермяков. После доработки первоначальные и доработанные академией проекты были представлены на высочайшее утверждение. По содержанию переделок вице-президент Императорской академии художеств граф И.И. Толстой писал в письме председателю комитета великому князю Александру Михайловичу 15 мая 1902 г.: «Относительно проектов других памятников я имел счастье доложить, что академическая комиссия стремилась при переработке их к возможному упрощению без ущерба художественности, держась, в общем, первоначальных форм, так как профессора Академии признали первоначальные проекты весьма удовлетворительного и весьма художественного исполнения»²⁴. Об этом же писал ему и А.М. Зайончковский 14 мая 1902 г.: «В отношении знаков на батареях и отдельных памятников Академия сделала почти к каждому месту рисунков Еранцева дубликаты с некоторыми почти всегда ничтожными изменениями, причем очень часто работа Еранцева оказывалась выше. К сожалению нигде не указано, на чем остановился выбор Государя Императора, на Еранцевских проектах или на измененных Академией». Из этого же письма следует, что проект здания панорамы А.М. Зайончковский считал лучшим: «Ваше Императорское Высочество изволите знать, что я не полагаюсь на свой художественный вкус, но в данном случае позволю себе откровенно высказать Вам мои опасения. Проектированное здание может быть очень красиво в городе, на ровном месте, но поставленное отдельно, на такой командующей высоте как 4-й бастион, я боюсь, чтобы из города оно не казалось бы водокачалкой и в этом отношении Еранцевский проект с колоннадой, пожалуй, будет более подходящ»²⁵. Однако Академия художеств не включила проект Еранцева в число трех премированных, а царь выбрал из последних проект Энберга²⁶, получивший вторую премию. Что же касается памятных знаков, то и здесь царь отдал предпочтение не проектам Еранцева, а проектам, исправленным Академией. После доработки все материалы были возвращены Академией художеств в Севастополь, и в настоящее время не известно, где они находятся и сохранились ли вообще.

Среди пяти проектов Еранцева, попавших на доработку архитектору Н. А. Пермякову, был и Балаклавский памятник.

Николай Александрович Пермяков, сын вольноотпущенного крестьянина, родился 25 февраля 1867 г. в селе Верхнемуллинском Пермского уезда Пермской губернии. В 1886 г. он окончил курс Пермского Алексиевского реального училища и поступил в Академию художеств на архитектурное отделение. Учился у профессора А.Н. Померанцева²⁷. В 1891 г. получил малую серебряную медаль, а на следующий год – большую серебряную медаль. В 1898 г. ему присвоено

звание художника-архитектора за проект великокняжеского дворца²⁸. За доработку пяти проектов севастопольских памятников получил 150 рублей, по 30 руб. за каждый. В 1902 г. вернулся в Пермь и работал там до 1920 г. Он проектировал и строил дом Варлуда (не сохранился), реконструировал здание окружного суда, вел наблюдение за строительством здания Кирилло-Мефодиевского училища и за началом строительства гостиницы «Королевские номера». После 1920 г. сведений о нем авторами доклада не обнаружено²⁹.

В упоминавшейся выше книге В. Г. Шавшина³⁰ приведен эскизный проект балаклавского памятника, сравнение которого с фотографией построенного памятника показывает, что первоначальный проект претерпел значительные изменения. Пьедестал памятника стал более массивным, в нижней его части по углам появились четыре объемные тумбы; формы пьедестала упростились.

Скульптурная композиция, увенчивающая памятник, была более сложной; в окончательном варианте остался только один двуглавый орел. В целом, памятник несколько утерял свою стройность.

В числе других памятников Севастопольской обороны балаклавский памятник был открыт 27 августа 1905 г. в присутствии великого князя Александра Михайловича. По причине революционных событий 1905 г. торжества были довольно скромными. На фуршетке Ф.Н. Еранцев произнес спич: «Позволю себе сказать несколько слов, как один из старейших граждан. Не припомню сейчас, где именно мне довелось читать описание полей бывших сражений. Автор воспоминаний, восхищаясь красотой подвигов военных деятелей, говорит, что при этом невольно тянет посмотреть наиболее достопримечательные места на полях сражений. Например, хочется знать, где была ставка Кутузова, ставка Наполеона; или в Полтавской битве – хочется видеть, где именно Великий Император “сам командовал войсками и сам пушки заряжал”. Поэтому всегда необходимо и важно, чтобы относительно крупных сражений оставались вещественные памятники»³¹.

В период боев за Севастополь 1941–1942 годов его защитники превратили цокольную часть памятника в пулеметный дот. Памятник был разрушен. В 1961 г. группа архитектора А. Шеффера³² производила обмер и разрабатывала проект восстановления этого памятника. Вот как описывал А. Шеффер состояние памятника: «После пронесшегося лихолетия второй мировой войны оставался почти целым его пьедестал вплоть до основания дорической колонны. <...> К сожалению, сама колонна была обрушена, распавшись на шесть отдельных барабанов и капитель; гигантского... орла, венчавшего ее, уже не было и в помине. Однако через несколько лет, к 70-м годам, на месте монументального, 4-метровой высоты пьедестала остался лишь разбитый фундамент. Наверное, поэтому в «Списке памятников истории и культуры г. Севастополя 1989 года» это был уже не памятник, а «Памятное место Балаклавского сражения (фрагменты разрушенного памятника) 1854 г. 12 км Ялтинского шоссе»³³. Тогда восстановление памятника не состоялось, он был возрожден только в 2004 г., к 150-летию обороны Севастополя.

В результате проведенных исследований установлено, что бородинский памятник

лейб-егерям является по основным формам и размерам повторением балаклавского памятника; таким образом, автором проекта обоих памятников следует считать инженер-подполковника Федора Николаевича Еранцева при участии художника-архитектора Николая Александровича Пермякова. Возведением бородинского памятника руководил инженер-строитель Сергей Львович Прохоров.

Авторы благодарят С.Г. Панченко (Бородино), А.И. Сапожникова (С.-Петербург), В.В. Семяникова (Пермь), В.Г. Шавшина (Севастополь) за оказание помощи при подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федорова О. В., Ушаков В. К. Поле русской славы. М., 1979. С. 102, 194.

² Ляпушев Г. В., Тихонов И. С. Об истории создания и авторах памятника Лейб-Гвардии Егерскому полку на Бородинском поле // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. III. Вып. 142. М., 2004. С. 161–168.

³ ЦИАМ. Ф. 231. Оп. I. Д. 569.

⁴ Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899 гг.). Кратк. ист. очерк. М., 1899; Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1900–901 академический год. М., 1900.

⁵ ЦИАМ. Ф. 231. Оп. 3. Д. 50.

⁶ Там же. Оп. I. Д. 569.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д. 6. 1915 г. Д 4. Т. 4. Л. 18, 20.

⁸ ЦИАМ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1848. Л. 119.

⁹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 25.

¹⁰ Глазов В.Г. По поводу чествования юбилея 1812 года. Записка от 14 мая 1910 г. // ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 65. Л. 50–50об. (Генерал от инфантерии В.Г. Глазов был председателем межведомственной комиссии по празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 г.).

¹¹ Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, контр-адмирал (с 1 января 1903), впоследствии адмирал.

¹² Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926), генерал от инфантерии, военный историк. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Командовал пехотным полком в русско-японскую войну, корпусом и армией в Первую мировую войну. После Гражданской войны – профессор Военной академии РККА.

¹³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1661. Л. 115–117.

¹⁴ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 417.

¹⁵ Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь: Киев, 2003. С. 261–262.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 52.

¹⁷ Джунковский Владимир Федорович (1865–1937), московский губернатор с 1905 г.; в 1912 г. был ответственным за проведение юбилейных торжеств в Москве и Московской губернии. Участник Первой мировой войны, после Октябрьской революции в отставке. Расстрелян.

¹⁸ Лейб-Егеря в Отечественную войну 1812 г. СПб., 1912; Памятка Лейб-Егеря. 1813 г. Кульм. СПб., 1913.

¹⁹ Формулярный список о службе и достоинстве Севастопольских Морских Арестантских рот майора Николая Еранцева за 1842-й год // РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Д. 947. Л. 10–14.

²⁰ Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910 (оттиск из т. XI Записок Московского Археологического института).

²¹ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. II. С. 693.

²² Максимовский М.С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. С. 145.

²³ Памяти Ф. Н. Еранцева // Крымский вестн. 1908. 16 июля. № 160. С. 3.

²⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 3-«з». 1902 г.

²⁵ ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д 17. Л. 1, 1об, 4об.

²⁶ Энберг Оскар Иванович (1859–1937), военный инженер, полковник (1904 г.). По его проектам построены в Севастополе здание Панорамы, памятник затопленным кораблям, ворота-пропилеи на Малаховом кургане.

²⁷ Померанцев Александр Никанорович (1848–1918), профессор (с 1892 г.), ректор (1899–1900 гг.) Императорской Академии Художеств.

²⁸ Журналы и отчет Императорской академии художеств за 1898 год. СПб., 1899; *Кондаков С.Н.* Императорская Санкт-Петербургская Академия Художеств. СПб, 1914. Т. II; Кондаков С. Н. Список русских художников: К 245-летию со дня основания Академии художеств. М., 2002.

²⁹ *Терехин А. С.* Пермь: Очерк архитектуры. Пермь, 1980. С. 108–109.

³⁰ Шавшин В. Г. Указ. соч. С. 261.

³¹ Крымский вестн. 1905. № 232. 29 сентября

³² Шеффер Адольф Львович (р. 1924), архитектор, в 1960-1963 гг. руководитель архитектурно-проектной мастерской, автор проекта воссоздания памятника русским воинам, участникам Балаклавского сражения.

³³ Слава Севастополя, 1996 г. (Статья получена от В. Г. Шавшина без указания точной даты публикации).

Иллюстрации

Иллюстрации были введены в компьютер Бородинского музея во время конференции 4-6 сентября 2006 г.

1. Памятник Лейб-Егерям на Бородинском поле.

2. Фотография С. Л. Прохорова // ЦИАМ, ф. 231, оп. 1, д. 569, л. 7.

3. Вариант проекта памятника в Балаклаве // Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь, Киев. 2003. С. 261.

4. Николай II во время осмотра памятника русским воинам - участникам Балаклавского сражения 13 августа 1913 г. // ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1661, л. 117.

5. Памятник Балаклавскому сражению, восстановленный в 2004 г.